

МРНТИ 15.41.39

<https://doi.org/10.32523/3080-1893-2025-151-2-144-157>

Научная статья

Социально-психологическое и лингвистическое влияние коррупции на современное общество Казахстана

Е.Р. Нуртаев

Максут Нарикбаев Университет, Астана, Казахстан

(E-mail: yerden.nurtayev@gmail.com)

Аннотация. Статья посвящена анализу социально-психологических и лингвистических аспектов восприятия коррупции в современном казахстанском обществе. Актуальность темы определяется устойчиво высоким уровнем коррупции, подрывающим общественное доверие и деформирующим коллективные установки. В исследовании акцент сделан на выявлении психологических механизмов адаптации граждан к системной коррупции: когнитивный диссонанс, выученная беспомощность, снижение мотивации к противодействию, конформизм и эмоциональное дистанцирование.

Особое внимание уделено влиянию этих процессов на молодёжь, формирование гражданской идентичности и стратегий выживания в условиях моральной неоднозначности. Применены междисциплинарные методы: контент-анализ медиа-дискурса, прагмалингвистический анализ обращений, лингвистический разбор эвфемизмов, а также интерпретация статистических и социологических данных. Результаты показывают, что языковые практики (метафоры, эвфемизмы, обращение к культурным кодам) способствуют нормализации коррупции, а социально-психологические установки закрепляют её как адаптивную повседневную практику. Подчёркивается необходимость включения психологического просвещения и культурной трансформации в стратегию антикоррупционной борьбы.

Ключевые слова: коррупция, когнитивный диссонанс, выученная беспомощность, доверие, апатия, язык и метафоры, эвфемизмы, гражданская идентичность, молодёжь, Казахстан, социальная психология.

Введение

Коррупция представляет собой сложное социальное явление, оказывающее многостороннее воздействие на развитие общества. В Казахстане коррупция приобрела системный характер и затрагивает различные сферы жизни – от государственного управления до повседневных бытовых ситуаций. По данным Transparency International, Казахстан в 2024 году получил 40 баллов из 100 в Индексе восприятия коррупции (Corruption Perceptions Index – далее CPI) – 88-е место из 180 стран [1], что относит его к государствам с высоким

Поступила: 02.05.2025; Доработана: 26.05.2025; Одобрена: 06.06.2025; Доступна онлайн: 28.06.2025

уровнем коррупции. Это означает, что, несмотря на принимаемые антикоррупционные меры, восприятие уровня коррупции остаётся критически высоким, требуя внимания исследователей не только к экономическим и правовым аспектам, но и к социально-психологическим последствиям.

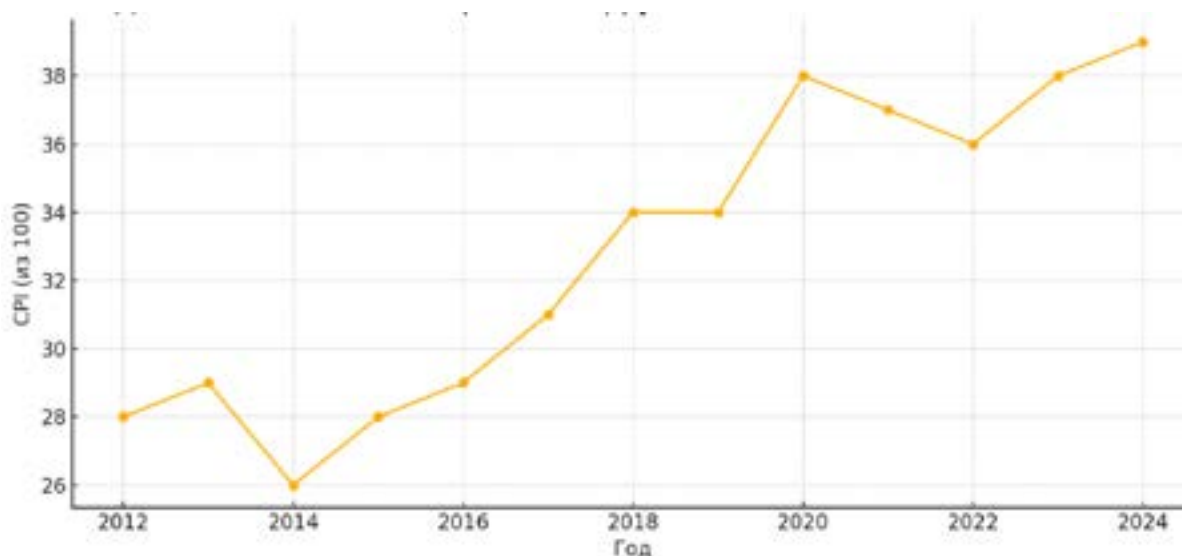

Рисунок 1. Динамика индекса восприятия коррупции (CPI) Казахстана (2012-2024) согласно данным Transparency International

В рамках общей психологии важно отметить, что восприятие и принятие коррупции может быть обусловлено механизмами когнитивного диссонанса Л. Фестингера, когда личное участие в сомнительных действиях оправдывается через изменение убеждений [2]. Кроме того, адаптация к повседневной коррупции может быть интерпретирована через призму теории социального научения А. Бандуры, где моделирование поведения происходит через наблюдение за успешными примерами нарушения норм без последствий. Такие механизмы требуют отдельного анализа с позиции установки и формирования норм в общественном сознании [3].

Коррупция подрывает базовые устои общественного доверия и справедливости. Социально-психологическое воздействие проявляется в утрате гражданами веры в демократические институты и законность: люди перестают верить в эффективность реформ и в способность государства действовать в общественных интересах [4]. Одновременно формируется атмосфера апатии и смирения: когда коррупция становится массово безнаказанной, в сознании общества укореняется убеждение, что противостоять ей бесполезно, и это рождает терпимое или даже потворствующее отношение к коррупционным проявлениям. Такие настроения ведут к цинизму – население рассматривает власть как заведомо коррумпированную и начинает оправдывать собственное участие во взяточничестве и нарушении правил. Происходит нормализация практики “решения вопросов” неформальными способами, когда личная выгода ставится выше закона и моральных норм. В социально психологическом контексте возникает конформизм, иначе говоря происходит порочная дрессировка подрастающих поколений.

Важно отметить и лингвистическое измерение проблемы. Язык не только отражает, но и формирует отношение общества к коррупции. В казахстанском публичном дискурсе и повседневной речи укоренились разнообразные метафоры и эвфемизмы, смягчающие негативную окраску коррупционных действий. Например, взятку часто называют "благодарностью" или "подарком", использование связей – "кумовством" или просто "решением вопроса". В прошлом сама тема коррупции порой подменялась эвфемизмами: вместо прямого слова «коррупция» употреблялись термины вроде «злоупотребление полномочиями» или «попустительство», что фактически отрицало наличие единой проблемы и затрудняло борьбу с ней. [5] Исследования отмечают, что многие казахстанцы традиционно не причисляют к коррупции такие явления, как блат (протекционизм), кумовство или подарки должностным лицам, считая коррупцией лишь прямое взяточничество и хищения [6]. Подобное суженное понимание термина свидетельствует о культурной нормализации определенных коррупционных практик и их лингвистическом оправдании.

Зачастую в деловой повседневной жизни Казахстана происходит размывание личных границ, в лингвистической картине мира это можно наблюдать в употреблении уменьшительно ласкательных сокращений имен начальника или вышестоящего коллеги: Ба-ке (Бауыржан, Болат, Балнур), Са-ке (Самира, Серик), что для многих других культур является зачастую странным и неприемлемым.

Актуальность данной темы обусловлена тем, что коррупция, помимо экономического ущерба, наносит социально-психологический вред, подрывая доверие граждан друг к другу и к институтам, деформируя ценности молодого поколения и поддерживая порочный круг неформальных практик. В современном Казахстане, переживающем этап политических реформ и обновления общественного договора, крайне важно понять, как многолетнее существование высокого уровня коррупции сказалось на массовом сознании, поведении и языке. До сих пор борьба с коррупцией в стране концентрировалась преимущественно на правовых и институциональных мерах. Однако недостаточно исследованы вопросы: как адаптировалось население к повсеместной коррупции психологически, какие стратегии выживания выработались, и как язык отражает/закрепляет эти явления. Возникает проблемная ситуация: несмотря на периодическое улучшение формальных показателей (например, снижение доли граждан, лично дающих взятки с 39,9% в 2013 г. до 29% в 2016 г.), общественное восприятие и терпимость к коррупции остаются высокими. [7] Для эффективного противодействия недостаточно ужесточить наказания – необходимо менять общественные установки и дискурс, особенно среди молодежи.

Цель исследования – проанализировать социально-психологическое воздействие коррупции на общество Казахстана и роль лингвистических факторов в ее нормализации. Для достижения цели были поставлены следующие задачи:

1. Обосновать актуальность темы коррупции в социально-психологическом и лингвистическом аспектах.
2. Описать и обосновать методы исследования.
3. Выявить изменения в психологических установках граждан под воздействием коррупции: снижение доверия, распространение апатии, легитимация нарушений.

4. Исследовать языковые средства (эвфемизмы, метафоры), оправдывающие или приукрашивающие коррупцию. Описать адаптивные стратегии поведения граждан в условиях коррупции.

5. Проанализировать специфику восприятия коррупции молодежью.

6. Обобщить данные опросов и статистики в количественном выражении.

Гипотеза исследования состоит в том, что продолжительное существование высокого уровня коррупции в Казахстане привело к формированию специфического социально-психологического климата: отсутствию доверия к институтам власти, распространению апатии и цинизма, высокой терпимости населения к коррупционным практикам, которые часто воспринимаются как нормальная часть жизни. Одновременно культура, язык и дискурс отражают эту нормализацию через эвфемистические описания коррупции, что дополнительно легализует и закрепляет терпимость в сознании подрастающего поколения. Особое влияние оказывается на молодежь: с одной стороны, новое поколение более критично относится к коррупции на декларативном уровне, с другой – вынужденно приспосабливается к существующим правилам игры, что выражается либо в конформизме (участии в коррупционных схемах, эмиграционных настроениях), либо в активизме и требовании перемен.

В обзоре литературы основной акцент делался на статьях за последние 10 лет, с широкой выборкой по Казахстану, а также на открытых статистических данных по восприятию коррупции в Казахстане.

Проблема восприятия коррупции всё чаще рассматривается не только как правовое или институциональное явление, но и как социально-культурный феномен, формируемый под влиянием демографических характеристик, региональной принадлежности и личного опыта. Ниже представлен обзор как фундаментальных, так и современных зарубежных работ, а также анализ исследований, посвященных казахстанскому контексту.

1. Коррупция как социально-культурный феномен. Одним из ключевых вкладов в понимание восприятия коррупции стало исследование Melgar, Rossi и Smith (2010b). Авторы доказали, что восприятие коррупции зависит от таких факторов, как пол, возраст, уровень образования и отношение к политической системе. Это подтверждает тезис, что перцепция коррупции обусловлена культурными и социальными различиями, а не только фактическими случаями нарушений. [8]

Дополняет данную позицию работа Truex (2011), в которой выявлено, что уровень образования обратно пропорционален терпимости к коррупции. Более образованные респонденты в Непале проявляли меньшую склонность к принятию коррупционных практик. [9]

В исследовании Persily и Lammie (2004) подчеркивается влияние социального положения, дохода и профессионального статуса на уровень восприятия коррупции, особенно в контексте финансирования избирательных кампаний в США. [10]

2. Региональные и культурные различия. Фактор регионального и этнокультурного контекста также играет важную роль. Исследование Denisova-Schmidt и Huber (2014) выявило существенные различия в восприятии коррупции между регионами Украины, объясняемые историческими и культурными особенностями. [11]

Аналогичные результаты были получены Sõõt и Rootalu (2012) в Эстонии: этничность и уровень доверия к институтам оказывали прямое влияние на представления о распространенности коррупции. [12]

Данные исследования подчеркивают необходимость учета ментальных и культурных различий при разработке антикоррупционной политики.

3. Влияние личного опыта и информированности. Erlingsson и Kristinsson (2016) сравнивали влияние личного опыта взаимодействия с коррупцией и уровня информированности. Их исследование показало, что даже при отсутствии собственного опыта доступ к информации (через СМИ и социальные сети) может формировать сильное восприятие коррупции. [13]

Это открывает новый вектор исследований: как медиа нарративы и общественный дискурс влияют на установку к коррупции даже у тех, кто напрямую с ней не сталкивался.

4. Исследования по Казахстану. В казахстанском контексте научных работ по восприятию коррупции значительно меньше. Важное место занимает работа Pelizzo, Baris и Janenova (2017), где анализируется применимость международных индексов коррупции к Казахстану. Авторы утверждают, что стандартизированные зарубежные подходы не всегда адекватно отражают реальность, учитывая местные политические и культурные особенности. [14]

Более подробное и актуальное исследование – это статья Вокаев и соавт. (2022). На основе масштабного опроса авторы выявили, что образование, региональная культура и личный опыт играют решающую роль в формировании восприятия коррупции. Особенно примечателен тот факт, что в южных и западных регионах Казахстана отмечается меньшая чувствительность к коррупционным действиям, что авторы объясняют местными традициями и ценностями. [15]

Несмотря на значительные достижения, в тематике восприятия коррупции остаются важные пробелы:

- Отсутствие лонгитюдных исследований в странах Центральной Азии;
- Недостаточное внимание к влиянию СМИ и массовой культуры;
- Ограниченность качественных подходов, позволяющих глубже понять мотивации и установки граждан;
- Слабо изучена роль неформальных норм, традиций и семейных структур в легитимности коррупционных практик.

Для их восполнения необходимы междисциплинарные исследования, включающие элементы культурной психологии, поведенческой экономики и политической социологии.

Методы исследования:

1) Контент-анализ медийных материалов и публичного дискурса – для выявления частоты, контекста и тональности упоминаний коррупции.

2) Анализ социологических опросов и статистики – включая данные Transparency International, Friedrich Ebert Stiftung, Бюро национальной статистики РК и других источников.

3) Лингвистический анализ эвфемизмов и метафор – чтобы показать, как язык смягчает или нормализует коррупцию в общественном сознании.

4) Прагмалингвистический анализ обращений (на примере фильма «Көке») – исследуется, как формы обращения отражают власть, статус и отношение к коррупционным практикам.

5) Сравнительный анализ литературы – как по международным, так и по казахстанским исследованиям коррупции в социокультурном контексте.

Результаты и обсуждение

В психологическом плане люди начинают воспринимать органы власти, судебную систему, правоохранные структуры сквозь призму подозрения в коррумпированности. Как отмечает Р.Т. Нуртаев, коррупция наносит огромный нравственный ущерб: у людей “утрачивается вера в демократию, в полезность реформ, исчезает вера к власти и государству”. [4, 16 стр.] Результаты опросов отражают этот кризис доверия. Например, по данным Global Corruption Barometer (2016), только 19% казахстанцев в 2013 году верили в успех борьбы с коррупцией, но к 2016 году доля оптимистов выросла до 37%, хотя большинство всё равно не видит существенных улучшений. [16] Тем не менее, официальные показатели могут рисовать противоречивую картину: согласно выборочному обследованию Бюро национальной статистики РК в 2023 году, более 80% граждан выразили по крайней мере частичное доверие полиции, прокуратуре, судам и даже антикоррупционной службе. [17] Подобный высокий уровень заявленного доверия может объясняться воздействием социальных желаний или методикой опроса. Независимые исследования указывают, что реальное доверие носит формальный характер – население декларирует лояльность, однако в ситуациях, требующих защиты прав, предпочитает обходные пути.

Снижение институционального доверия тесно связано с ростом социальной апатии. Многие граждане приходят к выводу о бесполезности индивидуальной борьбы с коррупцией. В общественном сознании укрепляется стереотип: «с системой не справиться, куда ни обратиться – везде нужно дать на лапу». Как отмечается в литературе, при массовой коррупции формируется атмосфера «окончательного смирения со своей участью», проявляющаяся в терпимом отношении к коррупции и даже ее потворстве. [4, 16 стр.] Это проявление адаптивной апатии: люди перестают возмущаться мелкими коррупционными случаями, считая их обыденными. К примеру, очереди в поликлинике решаются “благодарностью” врачу, получение справки – “подарком” клерку, и т.д., без осуждения подобных действий самим обществом. Социологические исследования фиксируют высокий уровень толерантности к бытовой коррупции. То есть, небольшое «смазать вопрос» обществом зачастую прощается, тогда как большие скандалы – порождают возмущение, исходя скорее из зависти и чувства социальной несправедливости.

Добавим, что снижение доверия и рост апатии могут быть объяснены через теорию выученной беспомощности М. Селигмана, когда повторяющиеся попытки воздействия на

систему без результата формируют ощущение полной бесполезности индивидуальных усилий [18]. Подобное эмоциональное выгорание, особенно у активных граждан, приводит к снижению участия в общественной жизни. Также можно предложить условную типологию психологических стратегий адаптации к повседневной коррупции:

- конформизм (молчаливое принятие нормы);
- рационализация и вытеснение (оправдание действий культурными традициями);
- циничное дистанцирование (использование иронии и сарказма как защиты);
- гражданский активизм (в том числе миграционные настроения и открытые протесты).

Особое внимание заслуживает формирование гражданской идентичности у молодежи. Здесь важно учитывать, как ролевые модели в лице старших, преподавателей, родителей формируют установки у нового поколения. Теория социального моделирования помогает объяснить, как поведение взрослых транслируется как норма. В условиях противоречивого дискурса – осуждение коррупции на словах и терпимость на деле – у молодежи может формироваться двойственное восприятие и идентичность, сочетающая декларативный протест с фактическим участием.

Особенно важны эвфемизмы – нейтральные или положительные слова, которыми подменяют негативно окрашенное понятие «коррупция». В обыденной речи в Казахстане взятку часто называют «сый» (с каз. – «подарок»), «конверт», «чай» или по-русски «на благодарность». Дача взятки оправдывается как выражение благодарности за хорошую услугу: фраза «отблагодарить врача акушера» звучит «приличнее», чем прямое «дать врачу взятку». Подношение начальству могут назвать «знаком уважения». Использование таких эвфемизмов маскирует аморальность поступка, вписывая его в рамки традиций гостеприимства и взаимопомощи. Например, если учителю несут дорогой подарок «от класса» – это выглядит как допустимая норма, хотя по сути может являться скрытой коррупцией (покупкой особого отношения к детям).

Так как тема статьи связана с социалингвистикой, культурной антропологией а также изучением дискурса власти и коррупции. Мы решили провести прагмалингвистический анализа языка. Примером отражения отношения казахстанского общества к коррупции был выбран художественный фильм "Көке" (2024г). Фокусом анализа стали обращения, используемые героями в ходе повествования. За центральную фигуру анализа был взят главный герой, Сепбек Лепбекулы, обращения к которому менялись по ходу фильма что позволяет проследить трансформацию его статуса, восприятия и самоидентификации.

Таблица 1

Прагмалингвистический анализ обращений к главному герою

Форма обращения	Частота (упоминаний)	Контекст использования	Социальная функция /значение
Аға	7	В начале фильма, среди студентов и коллег	Уважение в неформальной образовательной иерархии
Сепбек Лепбекович	~15	После назначения на должность, от подчинённых и коллег	Формальное признание должности, официальный статус

Секе	30	После получения власти, от окружения и подчинённых	Уважение, символ власти, речевая легитимация
Дукей	10	В диалогах с Дулатом, преимущественно среди приближённых	Полуформальная лояльность, уличный жаргон
Коке	12	В общении с Дулатом, в том числе от жены главного героя	Почтительное, «семейное» уважение, признание авторитета
Бауырым	1	От сотрудника антикоррупционного органа	Давление через обращение к братству, скрытая доминантность
Братан	1	В момент сомнения в авторитете героя	Снижение статуса, переход к равенству или протест

Анализ форм обращения в фильме демонстрирует, как язык служит механизмом легитимации власти, а также инструментом встраивания в коррупционные иерархии. Такие обращения как «Секе», «Коке», «Бауырым», «Братан» выполняют не только функцию социального адреса, но и манифестируют скрытые отношения власти, демонстрируя подчинение, патронаж или сопротивление. Это подчеркивает значимость речевых стратегий в казахстанском обществе, где символический статус может доминировать над формальным.

Касательно дискурса власти в отношении коррупции язык, которым описывается коррупция, существенно влияет на её восприятие обществом. В казахстанском общественном дискурсе используется ряд метафор, которые могут как драматизировать проблему, так и смягчать ее. Одна из распространенных метафор – сравнение коррупции с болезнью. Например, коррупцию называют “раковой опухолью, подтачивающей государство” [6, 1 стр.] Такая метафора подчеркивает опасность и губительность явления, вызывая эмоциональный отклик страха и отвращения. Президент Казахстана и другие официальные лица нередко употребляли подобные сравнения в речах, призывая “искоренить эту болезнь”. Однако, как показывают исследования языка коррупции, медико-биологические метафоры могут иметь двоякий эффект: с одной стороны, они стигматизируют коррупционеров как «вирус» или «паразитов» (что усиливает негативное отношение к ним), с другой – представление коррупции как чего-то хронического или трудноизлечимого невольно внушает идею, что полностью избавиться от нее почти невозможно, можно лишь держать под контролем.

Следовательно в силу долгого использования данных метафор в общественном дискурсе коррупция уподобляется вирусу герпеса – невидимая в спокойные периоды, она активизируется при ослаблении “иммунной системы” общества:

- неизлечима полностью, поскольку встроена в сложную систему отношений, взаимных ожиданий и скрытых транзакций;
- может длительное время находиться в латентной фазе, не проявляя себя открыто, но продолжая циркулировать в тканях социального организма;

● активируется при стрессах и снижении контроля, будь то экономический кризис, политическая нестабильность или институциональная слабость.

Таким образом, понимая сложившееся состояние дел, борьба с коррупцией — это не кампания по "уничтожению", а процесс поддержания здорового иммунитета общества:

- укрепление гражданской ответственности и правовой культуры;
- повышение прозрачности институтов и доверия к ним;
- формирование ценностей общественного блага, а не личной выгоды.

Как и с вирусом, полное искоренение маловероятно, но общество может достичь состояния, когда коррупция перестает быть нормой, не влияет критически на развитие, и не передаётся как ценность следующим поколениям.

Такой подход требует не просто репрессивных мер, но культурной и ценностной трансформации, где иммунитет – это зрелость общества, готового распознавать коррупцию и не вступать в симбиотические отношения с ней.

Таким образом, языковые практики в Казахстане создают двоякую картину. С одной стороны, на уровне официальной риторики коррупция резко осуждается, демонизируется (болезнь, враг, зло). С другой – на уровне повседневности она облекается в невинные формулировки, встраивается в культурные коды гостинца, подарка, помощи другу. Такая лингвистическая раздвоенность позволяет обществу сохранять самоуважение: человек может считать себя законопослушным, даже совершая коррупционные действия, если он не называет их взяткой. Нормализация через язык – опасное явление, как мы знаем по таким общественным предубеждениям как “Виктимблейминг” поскольку изменение терминологии предшествует изменению норм. Борьба с этим аспектом предполагает просветительскую работу: называть вещи своими именами, формировать в СМИ и образовании однозначно негативный образ любых проявлений коррупции, без эвфемистического смягчения.

Заключение

Проведенное исследование подтвердило гипотезу о том, что системная коррупция оказывает глубокое социально-психологическое воздействие на общество Казахстана и находит отражение в языке коммуникации. Во-первых, коррупция подорвала общественное доверие: многие граждане утратили веру в справедливость институтов, что проявляется в правовом нигилизме, пассивности и апатии. Во-вторых, возникла культура терпимости и цинизма: массовая коррупция стала восприниматься как неизбежный фон жизни, породив двойственные моральные стандарты – осуждение “чужой” коррупции и оправдание “своей”. В-третьих, языковое пространство адаптировалось под коррупционную реальность: через эвфемизмы и метафоры общество научилось говорить о коррупции либо смягченно-бытовыми терминами (“помощь”, “подарок”), либо в виде абстрактного зла (“болезнь общества”), что зачастую не затрагивает конкретных практик. Эти лингвистические феномены способствуют нормализации коррупции, размывая ее этические границы. В-четвертых, население выработало разнообразные стратегии сосуществования с коррупцией – от покорного

принятия и участия до саркастического дистанцирования и частичного сопротивления. Неформальные социальные связи и обмен услугами прочно укоренились как параллельные институты, во многом заменяя законные механизмы – следствие того, что люди больше доверяют личным отношениям, чем безличному закону.

Необходимо комплексное осмысление проблемы коррупции не только как правового отклонения, но и как социально-психологического феномена, имеющего культурные корни. Полученные результаты анализа кино контента обогащают теорию социальной психологии коррупции, показывая, как внешние условия (должность, социальный статус) трансформируют внутренние установки людей и общественный дискурс. Практическая ценность заключается в том, что выводы могут быть использованы при разработке антикоррупционных мер, направленных на изменение общественных норм. Например, кампании по формированию нетерпимости к бытовой коррупции должны учитывать укоренившиеся эвфемизмы и разъяснять, что условный “помощь родственнику” – это тоже коррупция с негативными последствиями для отношений, порождает напряжение и ставящая близких людей в неудобное положение.

Важно внедрять в общественный дискурс новые позитивные примеры: честных чиновников, отказывающихся от взяток; граждан, добившихся справедливости без “блата”; проектов, реализованных прозрачно. Современным таким примером могут изменить и язык (например, слово “жемқорлық” – казахский термин для коррупции – станет столь же неприемлемым, как сейчас “измена Родине”), и самое главное – ожидания людей. Если удастся поднять планку общественной нетерпимости к любым коррупционным проявлениям, то давление гражданского общества совместно с политической волей смогут существенно снизить уровень коррупции. Это, в свою очередь, укрепит доверие, сократит апатию и создаст условия для поступательного развития Казахстана на справедливой основе.

Благодарности:

Автор выражает благодарность коллегам из **MNU Высшей гуманитарной школы** за ценные обсуждения и комментарии при подготовке исследования.

Студентке 3-го курса MNU специальности “Прикладная лингвистика” – **Муратовой Дильназ Мейрамовне** за проведенный анализ фильма “Көке”.

Отдельная признательность выносится **Фонду имени Фридриха Эберта (Friedrich Ebert Stiftung)** за открытый доступ к данным опросов казахстанской молодежи, а также **Transparency International Kazakhstan** за данные по статистическим показателям.

Список литературы

1. Transparency International Kazakhstan. (2025, February 11). Казахстан по-прежнему в числе стран с высокой коррупцией (Индекс восприятия коррупции 2024). URL: <https://www.transparency.kz>
2. Нуртаев, РТ. (2015). Актуальные проблемы дальнейшего противодействия коррупции в Казахстане. Қазақстан Республикасы Заңнама институтының жаршысы [Вестник Института законодательства Республики Казахстан], (3)39, 13–20.

3. Татубаев, Т.М. (2017). Национальные традиции, обычаи и правила противодействия “коррупционерам” в истории Республики Казахстан. Социум и власть, (4)63, 25–31.
4. Мамырайымов, Т. (2014, 12 февраля). Коррупция – часть национального менталитета в Казахстане. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31504480
5. Transparency International. (2016). People and corruption: Kazakhstan – Global corruption barometer 2016. Transparency International. URL: <https://www.transparency.org/en/gcb/europe-and-central-asia/europe-central-asia-2016>
6. Melgar, N., Rossi, M., & Smith, T. W. (2010). The perception of corruption in a cross-country perspective: Why are some individuals more perceptive than others? *Economia Aplicada*, 14(2), 183–198. <https://doi.org/10.1590/S1413-80502010000200004>
7. Truex, R. (2011). Corruption, attitudes, and education: Survey evidence from Nepal. *World Development*, 39(7), 1133–1142. <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2010.11.003>
8. Persily, N., & Lammie, K. (2004). Perceptions of corruption and campaign finance: When public opinion determines constitutional law. *University of Pennsylvania Law Review*, 153(1), 119–180. <https://doi.org/10.2307/4150623>
9. Denisova-Schmidt, E., & Huber, M. (2014). Regional differences in perceived corruption among Ukrainian firms. *Eurasian Geography and Economics*, 55(1), 10–36. <https://doi.org/10.1080/15387216.2014.915757>
10. Sjøt, M. L., & Rootalu, K. (2012). Institutional trust and opinions of corruption. *Public Administration and Development*, 32(1), 82–95. <https://doi.org/10.1002/pad.616>
11. Erlingsson, G. Ó., & Kristinsson, G. H. (2016). Measuring corruption: Whose perceptions should we rely on? Evidence from Iceland. *Icelandic Review of Politics and Administration*, 12(2), 215–236. <https://doi.org/10.13177/irpa.a.2016.12.2.2>
12. Pelizzo, R., Baris, O., & Janenova, S. (2017). Objective or perception-based: A debate on the ideal measure of corruption. *Cornell International Law Journal*, 50(1), Article 4. <http://scholarship.law.cornell.edu/cilj/vol50/iss1/4>
13. Bokayev, B., Nauryzbek, M., Davletbayeva, Z., Dussipov, Y., Rysbekova, Z., & Torebekova, Z. (2022). Factors driving individual perceptions of quotidian corruption: Evidence from Kazakhstan. *Public Integrity*. <https://doi.org/10.1080/10999922.2022.2054569>
14. The Astana Times. (2016, November 17). More Kazakh citizens see progress in fight against corruption, according to Global Corruption Barometer. URL - <https://astanatimes.com/2016/11/more-kazakh-citizens-see-progress-in-fight-against-corruption-according-to-global-corruption-barometer/>
15. Bureau of National Statistics of the Agency for Strategic Planning and Reforms of the Republic of Kazakhstan. (2023). Public opinion on the level of trust in law enforcement and judicial authorities: Results of the 2023 survey. URL - <https://stat.gov.kz/en/industries/social-statistics/stat-crime/publications/113960/>

E.R. Nurtaev

Maksut Narikbaev University, Astana, Kazakhstan

The Socio-Psychological and Linguistic Impact of Corruption on Contemporary Kazakhstani Society

Abstract. This article analyzes the impact of corruption on psychological attitudes and linguistic practices in Kazakhstani society. The relevance of the topic is determined by the persistently high level

of corruption in the country, which undermines public trust and distorts social norms. The study aims to identify the socio-psychological consequences of corruption and the role of language in its perception. The methodology includes content analysis of media and public discourse, data from sociological surveys, and linguistic analysis of euphemism usage. The results show that corruption fosters apathy, cynicism, and a tolerant attitude toward legal violations, in part through the use of softening metaphors and expressions. Particular attention is paid to the influence on youth: despite publicly condemning corruption, everyday practices (e.g., buying grades) contribute to the formation of an ambivalent civic position. The conclusion emphasizes the need for a comprehensive approach to reducing tolerance toward corruption, including cultural and educational measures.

Keywords: corruption, trust, apathy, cynicism, language and metaphors, euphemisms, youth, Kazakhstan, social psychology.

Е.Р. Нұртаев

Мақсұт Нәрікбаев университеті, Астана, Қазақстан

Сыбайлас жемқорлықтың қазіргі Қазақстан қоғамына әлеуметтік-психологиялық және лингвистикалық әсері

Андатпа. Мақалада Қазақстан қоғамындағы сыбайлас жемқорлықтың психологиялық ұстанымдары мен тілдік тәжірибелерге әсері талданады. Тақырыптың өзектілігі елдегі сыбайлас жемқорлық деңгейінің тұрақты түрде жоғары болуымен, бұл жағдай қоғамның билікке деген сенімін әлсіретіп, әлеуметтік нормаларды бұрмалауымен байланысты.

Зерттеудің мақсаты – сыбайлас жемқорлықтың әлеуметтік-психологиялық салдарын және оны қабылдауда тілдің рөлін анықтау. Зерттеу әдістері ретінде медиа мен қоғамдық дискурсты контенттік талдау, социологиялық сауалнама деректері және эвфемизмдердің тілдік талдауы қолданылды.

Нәтижелер көрсеткендей, сыбайлас жемқорлық апатияның, цинизмнің және заң бұзушылықтарға төзімді қарым-қатынастың артуына ықпал етеді, бұған жұмсартатын метафоралар мен сөз тіркестері себеп болады. Жастарға әсер етуіне ерекше назар аударылды: сыбайлас жемқорлықты сөз жүзінде айыптағанымен, күнделікті өмірдегі тәжірибелер (мысалы, бағаны сатып алу) олардың азаматтық ұстанымын қайшылықты етеді. Қорытындыда сыбайлас жемқорлыққа төзімділікті азайту үшін құқықтық емес, мәдени және білім беру шараларын қамтитын кешенді тәсілдің қажеттілігі атап өтіледі.

Түйін сөздер: сыбайлас жемқорлық, сенім, апатия, цинизм, тіл және метафоралар, эвфемизмдер, жастар, Қазақстан, әлеуметтік психология.

References

1. Transparency International Kazakhstan. (2025, February 11). Kazakhstan po-prezhnemu v chisle stran s vysokoj korrupciej (Indeks vosprijatija korrupcii 2024). [Electronic resource]. - URL: <https://www.transparency.kz> (accessed: 1.05.2025).

2. Nurtaev, R. T. (2015). Aktual'nye problemy dal'nejshego protivodejstviya korrupcii v Kazahstane. Қазақстан Республикасы Заңнама институтының жаршысы [Vestnik Instituta zakonodatel'stva Respubliki Kazahstan], (3)39, 13–20. Journal.
3. Tatubaev, T. M. (2017). Nacional'nye tradicii, obychai i pravila protivodejstviya "korrupcioneram" v istorii Respubliki Kazahstan. Socium i vlast', (4)63, 25–31. Journal
4. Mamyraymov, T. (2014, 12 fevralja). Korrupcija – chast' nacional'nogo mentaliteta v Kazahstane. https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31504480
5. Transparency International. (2016). People and corruption: Kazakhstan – Global corruption barometer 2016. Transparency International. [Electronic resource]. <https://www.transparency.org/en/gcb/europe-and-central-asia/europe-central-asia-2016>.
6. Melgar, N., Rossi, M., & Smith, T. W. (2010). The perception of corruption in a cross-country perspective: Why are some individuals more perceptive than others? *Economia Aplicada*, 14(2), 183–198. <https://doi.org/10.1590/S1413-80502010000200004>.
7. Truex, R. (2011). Corruption, attitudes, and education: Survey evidence from Nepal. *World Development*, 39(7), 1133–1142. <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2010.11.003>.
8. Persily, N., & Lammie, K. (2004). Perceptions of corruption and campaign finance: When public opinion determines constitutional law. *University of Pennsylvania Law Review*, 153(1), 119–180. <https://doi.org/10.2307/4150623>
9. Denisova-Schmidt, E., & Huber, M. (2014). Regional differences in perceived corruption among Ukrainian firms. *Eurasian Geography and Economics*, 55(1), 10–36. <https://doi.org/10.1080/15387216.2014.915757>.
10. Sjøt, M. L., & Rootalu, K. (2012). Institutional trust and opinions of corruption. *Public Administration and Development*, 32(1), 82–95. <https://doi.org/10.1002/pad.616>.
11. Erlingsson, G. Ó., & Kristinsson, G. H. (2016). Measuring corruption: Whose perceptions should we rely on? Evidence from Iceland. *Icelandic Review of Politics and Administration*, 12(2), 215–236. <https://doi.org/10.13177/irpa.a.2016.12.2.2>.
12. Pelizzo, R., Baris, O., & Janenova, S. (2017). Objective or perception-based: A debate on the ideal measure of corruption. *Cornell International Law Journal*, 50(1), Article 4. <http://scholarship.law.cornell.edu/cilj/vol50/iss1/4>.
13. Bokayev, B., Nauryzbek, M., Davletbayeva, Z., Dussipov, Y., Rysbekova, Z., & Torebekova, Z. (2022). Factors driving individual perceptions of quotidian corruption: Evidence from Kazakhstan. *Public Integrity*. <https://doi.org/10.1080/10999922.2022.2054569>.
14. The Astana Times. (2016, November 17). More Kazakh citizens see progress in fight against corruption, according to Global Corruption Barometer. [Electronic resource]. URL - <https://astanatimes.com/2016/11/more-kazakh-citizens-see-progress-in-fight-against-corruption-according-to-global-corruption-barometer/>
15. Bureau of National Statistics of the Agency for Strategic Planning and Reforms of the Republic of Kazakhstan. (2023). Public opinion on the level of trust in law enforcement and judicial authorities: Results of the 2023 survey [Electronic resource]. <https://stat.gov.kz/en/industries/social-statistics/stat-crime/publications/113960/>.

Автор туралы мәлімет

Нұртаев Е.Р. – хат алмасуға жауапты автор, педагогика және психология PhD докторы, ассистент-профессор, Мақсұт Нәрікбаев атындағы университет, Жоғары гуманитарлық мектеп, Қорғалжын тас жолы 8, 010000, Астана, Қазақстан. yerden.nurtayev@gmail.com

Сведения об авторе

Нуртаев Е.Р. – автор для корреспонденции, PhD педагогики и психологии, ассистент-профессор, Максұт Нарикбаев Университет, Высшая гуманитарная школа, Кургальжинское ш., 8, 010000, Астана, Казахстан. yerden.nurtayev@gmail.com

Information about the author

Nurtayev Y.R. – author for correspondence, PhD in pedagogy and psychology, Assistant professor, Maksut Narikbayev University, School of Liberal Arts, Kurgaljin highway, 8, 010000, Astana, Kazakhstan. yerden.nurtayev@gmail.com